

Г.А. Мачтет

Повести и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.А. Мачтет**
Повести и рассказы / Г.А. Мачтет – М.: Книга по Требованию, 2021. – 400 с.

ISBN 978-5-518-02817-3

ISBN 978-5-518-02817-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имѣя въ виду распространять въ русскомъ обществѣ лучшія литературныя и научныя произведенія, мы издаемъ на первый разъ „Повѣсти и Разказы Г. А. Мачтета“, печатавшіяся въ періодъ времени съ 1880-го по 1886-й года въ извѣстныхъ повременныхъ изданіяхъ. Хотя эти произведенія рисуютъ картины *изъ безвозвратно прошедшей* жизни Югозападной Россіи и Сибири, но сказывающіяся въ нихъ жизненная правда и художественность образовъ будутъ оцѣнены непосредственнымъ чувствомъ читателя и возбудятъ въ немъ живѣйшій интересъ.

Издатели К. Ф. Одарченко и К.

И ОДИНЪ ВЪ ПОЛѢ ВОИНЪ.

(Романъ честнаго человѣка.)

ПОВѢСТЬ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
Пушкинъ.

Глава I.

Я, моя семья и первые проблески моего духа.

Какъ бы это ни показалось на первый взглядъ парадоксальнымъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что акту моего рожденія или, вѣрнѣе, первому моему появленію на жизненной сценѣ въ значительной степени по-содѣйствовалъ совершенно посторонній факторъ: бурмистръ Кондрать. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряла меня родная мать, сопровождавшая всегда слезами и причита-ніями воспоминанія о моемъ рожденіи, при-

чемъ отецъ, если это происходило при немъ, сопѣлъ и насупливалъ брови. Такъ гласило и преданіе всей нашей деревни и, наконецъ, этимъ именно объясняетъ глупое населеніе послѣдней мое мнимое „кровопивство“, какъ будто требовать отъ должниковъ точности въ исполненіи законныхъ обязательствъ есть кровопивство. Признаюсь откровенно, я всегда былъ яримъ противникомъ всякихъ сумасбродныхъ теорій о какомъ-то всеобщемъ счастьи насчетъ чужаго вармана, мечтать о которомъ—удѣлъ всѣхъ праздныхъ лѣнтяевъ и недоучекъ, ибо отлично понималъ, что всѣ міровыя отношенія основаны на общемъ принципѣ борьбы за существованіе. Такимъ образомъ я всегда отрицалъ всякія подачки, льготы и иныя филантропическія затѣи, только развращающія и безъ того уже лѣнливую и развратную массу, и требовалъ точности и аккуратности въ исполненіи законныхъ договоровъ, контрактовъ и прочихъ обязательствъ, что на жаргонѣ завистливой, глупой и алчной бѣдности называется „кровопивствомъ“.

— Кондратъ его раньше срока на свѣтъ выгналъ, отъ Кондрата онъ и кровь нашу пить сталъ!

О, глупая, глупая бѣдность!

Бурмистръ Кондрать былъ умный и трезвый мужикъ и вѣрный слуга пана, за что все село и ненавидѣло его хуже чорта. Если онъ и явился невольнымъ виновникомъ моего преждевременнаго появленія на свѣтъ, то только потому именно, что честно исполнялъ свой долгъ бурмиистра и съ достоинствомъ относился къ своей обязанности.

Въ то время наше село было вотчиной богатаго пана Жонгаловича, а мои родители, какъ и все остальное населеніе села, его вѣрнопостными. Панъ былъ строгій и аккуратный, почти безвыѣздно жилъ въ селѣ и держалъ въ ежовыхъ рукавицамъ все населеніе, отлично зная, что только строгостью удержишь хохла въ повиновеніи. Честный и умный Кондрать былъ его правою рукой.

Разъ утромъ, какъ разъ наканунѣ Новаго года, когда мать моя была на девятомъ мѣсяцѣ беременности мною, бурмистръ постучалъ въ окно нашей хаты и приказалъ матери отправляться на панскій дворъ мыть полы. Мать, — тихая и смиренная женщина, — быстро собралась, но отецъ, бывший почему-то не въ духѣ, заворчалъ и потребовалъ

отъ Кондрата, чтобы тотъ освободилъ мать въ виду ея положенія.

— Не могу, — отвѣчалъ Кондратъ: — и радъ бы, да нельзя! У пана завтра много гостей будетъ, такъ нужно хорошо все прибрать... А ваша жинка, — сами знаете, — первая мастерица на этотъ счетъ!

Отецъ замолчалъ, но когда ушла мать, онъ вышелъ изъ хаты и, встрѣтивъ Кондрата, вновь сталъ приставать въ нему отпустить мать. Тотъ разсердился, пошло слово за слово и отецъ, обыкновенно степенный и тихій, обозвалъ его собакой. Результатомъ этого, конечно, было то, что отца повели на панскую конюшню... Услышавъ его крикъ, мать, несшая въ этотъ моментъ большую вязанку дровъ, задрожала, спотынулась и грохнулась на земь. Въ этотъ же моментъ, въ унисонъ со стопами матери и криками отца на конюшнѣ, ряздался и мой первый, младенческій крикъ.

Такимъ образомъ, благодаря стеченію непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, мнѣ пришлось увидѣть впервые свѣтъ не въ грубой, мужицкой хатѣ, а въ роскошныхъ панскихъ палатахъ. Правда, пребываніе мое тамъ было очень кратковременно... Панъ, узнавъ о

случившемся, страшно разсердился на мать, ругалъ ее за испачканный полъ, а меня даже, какъ говорятъ, пихнулъ носкомъ сапога и велѣлъ немедленно унести насъ обоихъ, — тѣмъ не менѣе суевѣрный человѣкъ имѣлъ бы полное право видѣть въ этомъ особое предзнаменованіе. Я самъ, конечно, не придаю этому никакого значенія, но мать моя почему-то всегда надѣялась видѣть во мнѣ нѣчто лучше простаго, грубаго мужика и предсказывала мнѣ не мужицкую долю. Было ли это дѣйствительно „внушеніе свыше“, какъ увѣряетъ почтенный отецъ Іуда, нашъ сельскій пастырь (о, еслибы намъ побольше такихъ пастырей!), или просто въ ней говорилъ материнскій инстинктъ, которому нѣтъ никакого реального объясненія, — только ожиданія ея сбылись вполнѣ, ибо изъ вѣрнопостнаго я въ концѣ концовъ сдѣлался владыкою роднаго села!

Много, конечно, тяжелаго и больнаго пришлось мнѣ испытать отъ людей до того, много пережить горя; но если и не смотрѣть на него какъ на выше посланную чашу испытанію, какъ увѣряетъ отецъ Іуда, — то и тогда я не ропщу. Я знаю, что каждый шагъ въ жизни долженъ браться съ

боя, что даромъ никто ничего не уступить, что борьба есть законъ жизни, — ну, а въ борьбѣ нельзя претендовать на особую деликатность. Поэтому я и не ропщу, не поминаю зла, ни въ кому не питаю ненависти и охотно прощаю все, мнѣ волей или неволей причиненное. Къ сожалѣнію, не всѣ относятся такъ, и я отлично знаю, что есть много людей, ненавидящихъ меня до глубины души, готовыхъ утопить въ ложкѣ воды за то, конечно, что въ борьбѣ за жизнь я оказался сильнѣе ихъ и вышелъ побѣдителемъ.

О, зависть, зависть!

Вообще нельзя сказать, чтобы мое появленіе на свѣтъ было встрѣчено особенно привѣтливо. Панъ, какъ я уже сказалъ, далъ мнѣ пинка, а глупыя сосѣдки и вся родня, окружившая мать немедленно послѣ того, какъ ее дотащили въ хату изъ панскихъ хоромъ, стала охать и причитать, что я-де родился не въ добру. Глупые и суевѣрные люди выводили такое нелѣпое заключеніе изъ того, что я родился преждевременно, когда сѣбли отца и раздавались его всхлипыванія о пощадѣ. Въ особенности настаивала на этомъ старая Солоха.

— Не къ добру родился онъ, — кричала эта старая, дряхлая вѣдьма, — и не будетъ отъ него проку: или помретъ, или „гаспидомъ“ будетъ.

Но чуткое материнское сердце вѣщало иное.

Она съ любовью прижала меня къ груди, поглядѣла и, цѣлуя, сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, добрые люди, не помретъ мой сыночекъ и гаспидомъ не будетъ... Онъ будетъ богатымъ и разумнымъ.

Мать увѣряла, что я, какъ бы понявъ ея слова, въ отвѣтъ заморгалъ глазами и дрыгнулъ ножкой.

Возраженіе матери, повидимому, нисколько не повліяло, однако, на глупое предубѣжденіе этихъ старыхъ воронъ, такъ какъ и впослѣдствіи онѣ относились гораздо дружелюбнѣе и родственнѣе къ моей старшей сестрѣ Галѣ и брату Тарасу, чѣмъ ко мнѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ, за всякую шалость, обзывали меня аспидскимъ сыномъ или Иродовымъ сѣменемъ. Но за то тѣмъ мягче, тѣмъ любовнѣе становилась ко мнѣ мать, тѣмъ больше ласкала и баловала, такъ что вообще въ семьѣ я слылъ за мамина „мазунчика“.

Впослѣдствіи я узналъ, что это предубѣжденіе противъ меня имѣло еще другое основаніе, воренилось главнымъ образомъ въ подозрѣніи, будто виновникомъ моего рожденія былъ не мой отецъ Семень Кожухъ, а красивый эконокъ нашего пана, шляхтичъ Облупинскій. Отецъ, повидимому, тоже раздѣлялъ общее предубѣжденіе и былъ не чуждъ этого подозрѣнія, такъ какъ, вообще мягкій и добрый человѣкъ, онъ, какъ и всѣ, больше долбилъ сестру и брата, спускалъ имъ многое, за что доставалось мнѣ, и въ порывахъ гнѣва ругалъ меня „байстрюкомъ“, какъ никогда не ругалъ ни сестру, ни брата. Хотя, конечно, для самолюбія человѣка болѣе лестно вести свой родъ отъ шляхтича, чѣмъ отъ простаго мужа, тѣмъ не менѣе я долженъ признаться, что ни утверждать, ни отрицать ничего не могу, такъ какъ съ одной стороны нѣкоторое сходство ничего еще не значитъ и можетъ быть случайнымъ, а съ другой стороны мать никогда не говорила мнѣ объ этомъ и всякіе намеки на интимность съ панычемъ Облупинскимъ встрѣчала энергичнымъ протестомъ.

— Чтобъ вамъ обоимъ съ Облупинскимъ